

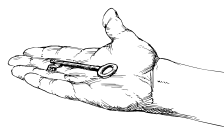

*Посвящается Бену,
который любит рассказывать истории,
и Линде, которая любила их слушать*

Было кое-что, о чём маме Эмми не следовало знать. Например, о таких пустяках, как то, подстригла ли Эмми ногти на ногах или наступила в парке на что-то липкое. Но письмо в прикроватной тумбочке Эмми не было пустяком, и если бы мама о нём узнала, она очень рассердилась бы. Поэтому Эмми была рада, что находится в Нью-Йорке, а не у себя дома в Коннектикуте. Она хотела, чтобы расстояние между письмом и её мамой было как можно больше, даже если это означало, что ей придётся пережить очередную скучную книжную презентацию.

— Тебе весело, милая? — спросила мама, подавая Эмми изысканный стакан.

Эмми сделала глоток и чуть не подавилась. Она не знала, каким должно быть настоящее шампанское, но у этого фальшивого напитка был такой вкус, словно кто-то бросил конфеты-шипучки в ведро с гнилыми яблоками. Эмми попыталась выдавить улыбку. Мама и без того была рассержена.

— К счастью, под твоей шляпой никто не заметил повязки, — шепнула мама. — Не понимаю, почему тебе именно сегодня понадобилось играть в футбол. — Она улыбнулась и махнула рукой одному из гостей. — Ты знала, что сегодня вечером у меня презентация книги, и всё равно...

Эмми потёрла лоб в том месте, где под нелепой шляпой скрывались три свежих шва. Что она могла ответить? *Мам, прости, что хорошо играю в футбол. В следующий раз я буду стараться меньше, чтобы не попасть в хорошую команду.*

— Я не могу просто так пропустить матч, мам. Моя команда...

— Твоя команда могла бы один раз с лёгкостью обойтись без тебя, Эммелин.

Эмми поморщилась. Если мама называла её полным именем, то это был плохой знак.

Мама сделала глоток шампанского.

— Послушай, Эмми, когда вечер закончится, нам надо будет кое о чём поговорить.

Эмми затаила дыхание. Неужели мама узнала про письмо? Если она узнает, что задумала Эмми...

— Это касается турне в поддержку моей книги.

Эмми выдохнула и одёрнула платье. На сегодняшний вечер ей надо забыть о своих поисках. Нельзя, чтобы мама что-то заподозрила.

— После окончания турне я займусь другим проектом. Не хочу пока вдаваться в подробности, но всё будет немного по-другому. Просто хочу, чтобы ты была готова.

Желудок Эмми снова сжался в комок. *Будьте готовы.* Так говорила их учительница физики, миссис Генри, когда на прошлой неделе у них было занятие, посвящённое стихийным бедствиям.

— Пэм, вот ты где! — К ним направлялась миниатюрная блондинка, и Эмми постаралась сдержать стон разочарования. Обычно она всеми силами избегала маминого рекламного агента.

Мама поцеловала женщину в щёку.

— Гретчен, ты устроила потрясающую вечеринку.

— Всё, что угодно, для моего клиента номер один! — Гретчен повернулась к Эмми. — Ты сегодня просто очаровательна! Эта шляпка тебе

так идёт. Она делает твои волосы темнее, и рыжий не кажется таким ярким.

Гретчен улыбнулась, как будто это был комплимент, но Эмми знала, что это совсем не так. Она привыкла, что люди всегда что-нибудь говорят о её ярко-рыжих волосах.

— Я так рада, что ты смогла сегодня приехать, это будет хорошей рекламой для гостей. Ты пригласила друзей, как я тебе советовала?

— Никто не смог прийти. — Эмми взяла у проходящего мимо официанта слоёный пирожок с крабами и сунула его в рот. Она никого не пригласила. В своей последней частной школе она проучилась всего несколько недель, а знакомство с новыми людьми никогда не было её сильной стороной. Для этого надо было много общаться.

В зал ресторана вошёл какой-то мужчина, и Гретчен взвизгнула:

— Клинт! — Она схватила его за руку и подтолкнула к маме Эмми. — Пэм, помнишь Клинта Маркума из журнала «Современное воспитание»?

— Конечно. Клинт, рада встрече.

— Привет, Пэм! Мне очень понравилась твоя новая книга.

— Разве не здорово? — спросила Гретчен. — Она вызвала настоящий ажиотаж. Все называют Пэм американским гуру воспитания.

Эмми с трудом сдержала смех. Единствен-

ным человеком, который использовал эту фразу, была сама Гретчен, и произносила она её всякий раз, когда поблизости был репортёр.

— А это, наверное, твоя дочь? — продолжал Клинт. — Тебя зовут Эммелин, верно?

Эмми моргнула.

— Э-э-э... Да.

Она начала переминаясь с ноги на ногу. Обычно репортёры с ней не разговаривали, и её это устраивало.

— Наверное, ты очень гордишься своей мамой, — сказал Клинт.

Эмми кивнула. Кажется, Клинт ждал, что она скажет что-то ещё, но она понятия не имела, что должна сказать.

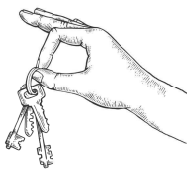
— Она одна воспитывала тебя и смогла сделать потрясающую карьеру. Это всё равно что жить в одном доме с суперженщиной!

Эмми снова кивнула. Может быть, если она будет молчать, он перестанет задавать вопросы.

Клинт откашлялся и снова повернулся к маме Эмми.

— Гретчен рассказывала мне о твоём новом проекте. Звучит многообещающе!

В глазах мамы что-то промелькнуло. Никто этого не заметил, потому что она всегда была сдержанной на публике, но Эмми поняла, что это едва заметная паника.

— Я удивлена, что Гретчен уже сообщила тебе, — сказала она. — Мы планировали объявить об этом на следующей неделе.

— Знаю, — ответила Гретчен, — но это была прекрасная возможность.

Мама Эмми улыбнулась и кивнула.

— Эмми, почему бы тебе не взять что-нибудь перекусить?

Эмми пошла к ближайшему официанту, но не успела отойти далеко.

— Итак, Пэм, почему ты решила стать ведущей реалити-шоу?

Эмили резко обернулась. Её мама будет выступать на телевидении? Мама украдкой взглянула на неё.

— Я решила, что это прекрасная возможность завязать новые контакты с другими родителями. Мы пока не утвердили все детали, поэтому я не хочу вдаваться в подробности.

Клинт посмотрел на Гретчен.

— Какой будет формат?

— Она будет по несколько недель проводить с семьями, — ответила Гретчен. — Будет говорить им, что они делают не так, и помогать исправлять ошибки.

— Как интересно! — воскликнул Клинт. — Эммелин будет сниматься с тобой?

Тук. Тук. Тук. Сердце Эмми забилось сильнее. Мама откашлялась.

— Нет, это было бы слишком неудобно.

— А кто будет за ней присматривать?

Тук. Тук. Тук.

Мама Эмми широко улыбнулась, словно девушка из команды поддержки, которая знает, что её команда проигрывает.

— Я нашла прекрасную школу. Эмми там понравится. Это будет всё равно что жить в семье.

Эмми наморщила пульсирующий лоб. Школы не были похожи на семью. Она же не будет жить в школе, если только мама не отправит её в...

— Школа-интернат? — закончил Клинт мысль Эмми.

Тук-тук. Тук-тук.

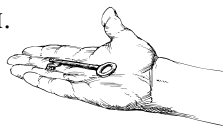
— Школа комплексного погружения, — ответила мама. — Эмми будет жить с учениками своего возраста в прекрасной обучающей среде.

Эмми понятия не имела, что значит «комплексное погружение», но для неё это звучало как школа-интернат.

— Что это за школа? — спросил Клинт. — Где-то поблизости?

Мама опустила голову и разгладила невидимые складки на платье. Наконец она снова подняла глаза, и её лицо было спокойным и безмятежным.

— Вообще-то, школа находится в Англии.

Эмми показалось, что кто-то бросил ей на грудь мешок с песком. Она не могла дышать. Школа-интернат. Англия. Школа-интернат. Англия.

Тук-тук. Тук-тук. Тук-тук.

Клинт повернулся к Эмми.

— Эмма, а ты что об этом думаешь? Наверное, когда ты впервые об этом узнала, это было для тебя шоком?

Мама Эмми сглотнула и пристально посмотрела на Эмми, словно умоляя её ответить правильно.

Комната начала вращаться, словно Эмми оказалась на сломанной карусели. Она с трудом улыбнулась.

— Я рада, что могу поддержать маму.

Мама положила руку на локоть Эмми.

— Ты слишком добра ко мне. Милая, мне надо привести себя в порядок. Идём со мной. — Она потянула Эмми за локоть и увела её в туалет.

— Итак, — сказала мама, закрывая за собой дверь. — Ты побледнела. Надеюсь, ты не упадёшь в обморок?

Эмми села на шаткий стул в углу. Она не знала, каково это — упасть в обморок, но если комната продолжит вращаться, она, наверное, в конце концов окажется на полу. Она прислонилась головой к стене, и вращение начало замедляться.

— Сделай глубокий вдох, и мы поговорим.

Эмми обхватила живот руками и попыталась вдохнуть, но кажется, в помещении было недостаточно воздуха. Она хотела начать задавать вопросы, сказать, как это несправедливо, но кто-то словно залепил ту часть её мозга, которая отвечала за формирование предложений, жевательной резинкой.

Школа-интернат. Англия. Школа-интернат. Англия.

Эти слова продолжали вертеться у неё в голове.

— Мне жаль, что ты обо всём узнала вот так, — сказала мама. — Я только сегодня утром договорилась с директором и не хотела ничего тебе говорить, пока всё не будет готово. Я собиралась сказать тебе сегодня днём, но наложение швов заняло много времени.

— Почему я не могу остаться здесь? — наконец выдавила Эмми.

— За тобой некому присмотреть.

— Но...

— Эмми, я детский психолог и твоя мама. Я знаю, что для тебя лучше.

Эмми вздохнула. Она слышала эту фразу на протяжении почти двенадцати лет и до сих пор не знала, что на неё возразить.

— Когда мне придётся уехать?

Мама отвернулась.

